

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Виардо Полина

(1821–1910)

Иван Сергеевич Тургенев считал первое ноября 1843 года самым прекрасным днем своей жизни и всегда его праздновал. В этот день он был представлен Полине Виардо-Гарсиа. В автобиографическом «Мемориале» писатель отметил этот день так: «Встреча с Полиной». Рядом поставил крест, чем-то похожий на кладбищенский, за которым нет уже ни будущего, ни надежд.

«Полина Виардо, – пишет Валентина Боровицкая в своей документальной повести «Эпилог», — приехала в Петербург, ища славы и денег, а нашла бессмертие. Она была яркой звездой на театральном небосклоне, но, подобно многим другим талантливым актрисам, довольно быстро сошла с него, подобно многим другим, забылась бы навсегда. И если ее имя до сих пор известно, то этим она обязана одному только Тургеневу».

Когда они познакомились, ей было двадцать два, а ему двадцать пять лет. Современники считали Тургенева одним из красивейших людей своей эпохи. Родовитый барин, настоящий русский великан под два метра ростом. И вместе с тем — мягок, добродушен, нежен, порой даже капризен, как ребенок. Он был завсегдатаем модных салонов Петербурга, блестяще владел французским языком. Отсюда и поразительный успех у женщин. Не устояла перед тургеневскими чарами и Полина Виардо.

В одном из своих многочисленных писем к ней Тургенев как бы между прочим признался: «А вы будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану и существовать».

Эта любовь длилась сорок (!) лет, до самой смерти писателя. Практически в каждом тургеневском произведении, созданном после 1843 года, можно в большей или меньшей степени найти отголоски этого необыкновенного чувства. По определению матушки Варвары Петровны Тургеневой, он как безумец гонялся «по всей Европе за этой цыганкой».

Он тенью сопровождал семейство Виардо, куда бы оно ни отправлялось. Был в Париже, Берлине, Лондоне, Дрездене, Баден-Бадене, в Куртавнеле и Буживале. В доме Виардо в Ле Френе, к слову, и скончался... Сочинял тексты для опереток мадам Виардо, искал издателей для альбомов ее романсов, а если не находил — под строгим секретом от нее... печатал за свой счет.

Перелистаем снова страницы документальной книги В. Боровицкой «Эпилог»:

«Но кто была женщина, взявшая его жизнь до последнего дыхания, до последней минуты?»

Полина Виардо родилась в 1821 году. Ее крестной матерью была княгиня Прасковья Андреевна Голицына, от которой она и получила свое имя. Таким образом «ниточка к России» протянулась с самого рождения.

Отец — Мануэль Гарсиа — «бог-тенор» Парижского итальянского театра, родился в цыганском квартале Севильи. Мануэль был не только певец, пользовавшийся бешеным успехом на всех европейских сценах, но и композитор. Одно время его песенки распевала вся Испания. Мать — Хоакина Сичес, красивая и талантливая женщина, была украшением Мадридского драматического театра...

В 1825 году, когда Полине было всего четыре года, семья отправилась на гастроли в Америку. Основу труппы составляла их семья — отец, мать, старшая дочь и сын — все поют, все прошли жесткую, но основательную школу Мануэля...

Для отца она была лучшей и любимой из учениц. Старшую дочь ему приходилось принуждать к занятиям. Полина же готова была сидеть за роялем целый день. За упорство

и трудолюбие она получила прозвище «Муравей». Сразу же после возвращения из Америки к девочке пригласили учителем музыки Ференца Листа. Музыка и языки давались ей с одинаковой легкостью, она с детства говорила по-испански, по-итальянски, по-французски и по-английски...

В 1837 году Полина начала выступать как певица сначала в гостиных, чтобы привыкнуть к публике, а затем в большом концерте. После первого большого успеха шестнадцатилетняя Полина отправляется с концертами по Германии, затем переселяется в Париж, где ее старший брат, так и не ставший певцом, преподает музыку в консерватории.

А волна ее успеха поднимается все выше — в 1839 году она уже дебютирует на сцене Театра королевы в Лондоне в партии Дездемоны. Там ее услышал друг старшей сестры Луи Виардо, бывший одним из директоров Итальянской оперы в Париже. Конечно, он сделал ей предложение петь в парижском театре, и, конечно, она его с восторгом приняла».

Через год сорокалетний Людвик Виардо сделал Полине другое предложение — стать его женой. А девятнадцатилетняя примадонна была склонна отдать свое сердце красавцу Альфреду де Мюссе. Но от этого шага ее отговорила Жорж Санд, хорошо знавшая неуравновешенный характер Мюссе. На правах более опытной женщины и старшей подруги она посоветовала юной госпоже Гарсиа остановить свой выбор на основательном и добропорядочном Виардо. Хотя позже в частной переписке Жорж Санд называла его «печальным, как ночной колпак». Ведь он был полной противоположностью своей талантливой энергичной жене.

И вот, наконец, ноябрь 1843 года. Уже первое выступление Полины в Петербурге в партии Розины из «Севильского цирюльника» сопровождалось нескончаемыми овациями. Русские зрители сразу же оценили бурную страстность и артистическое мастерство певицы, ту легкость, с которой она свободно переходила с высоких звуков сопрано на глубокие ноты контральто. Кругом только и разговоров, что о «несравненной Виардо». Хотя даже современники к красавицам ее никогда не причисляли. Многие литераторы, художники, дружившие с Тургеневым, в своих воспоминаниях отмечали, что госпожа Виардо очень худа — «сажа да кости», сутула, черты ее лица неправильны и чересчур резки. Некоторые считали ее просто уродливой. «Пройди она на улице, — писал литератор Н.В. Берг в «Историческом вестнике» в 1883 году (год смерти Тургенева), — тысячу раз мимо самого наблюдательного ловеласа — он бы ее не заметил. А в театре, когда она играла, стоном стонал весь партер; большего сумасшествия и восторгов, казалось, до сих пор не видано. В особенности действовала на зрителей необыкновенная страстность ее игры...»

«Ей-богу, не решусь предположить, что нашел русский красавец барин в испанской певице, — удивляется и наш современник Н. Долгополов. — Нет на ее фото и портретах следов особой красоты. Обычное лицо, толстоватые губы, чуть сгорбленная фигура. Правда, глаза необычайные, ну и что ж — глаза. Какая-то тайна: почему тогда отдал Полине сердце старик Берлиоз? Каким образом влюбился в нее Лист? Зачем нужна была эта уж точно не платоническая связь с Гуно, к которому Тургенев ревновал ее с полным на то основанием?»

Один из современников так описывал внешность певицы: «У нее гибкий стан, блестящие черные как смоль, локоны, цвет лица пылкой испанки, все движения ее грациозны, верны и естественны». Вовсе не случайно, вдохновленные пением Полины, поэты посвящали ей стихи, а писатели восторженно говорили о ее бархатном голосе, словно бы проникающем в душу.

«Виардо отлично пела и играла, — подтверждает и А. Панаева, — но была очень некрасива, особенно неприятен был ее огромный рот. В типе ее лица было что-то еврейское; хотя Тургенев клялся всем, что она родом испанка, но жадность к деньгам в Виардо

выдавала ее происхождение. За кулисами очень скоро сделалось это известно. Умерла одна бедная хористка; после нее осталась мать-старушка и маленькие дети, которых умершая кормила своим трудом. Все итальянские певцы и певицы пожертвовали на похороны несчастной труженицы, даже хористы и хористки из своего скудного жалованья дали денег, сколько кто мог, одна Виардо не дала ни гроша...»

Иван Сергеевич оказался среди немногих избранных, получивших приглашение бывать в перерывах между репетициями в грим-уборной мадам Виардо. «Там на полу, – читаем уже у современного польского автора Тадеуша Роека, – лежала шкура медведя, и Полина определила четырем мужчинам места на его лапах. Тургенев был приглашен на лапу номер три. Полина же восседала в середине шкуры, так что приглашение «на лапу» считалось большой привилегией. Обязанностью этих четырех избранных было рассказывать какие-нибудь захватывающие истории. И Тургенев с завидной легкостью побеждал своих соперников».

Ее пение он слушал, закрыв лицо ладонями, по которым подчас струились слезы восторга и обожания. Аплодировал же ей с такой горячностью, что обращал на себя внимание зрителей из соседних лож. Интересное свидетельство о поведении Тургенева в театре во время выступления его любимой певицы оставила нам опять же А. Панаева: «...Он, не имея денег абонироваться в кресла, без приглашения являлся в ложу, на которую я абонировалась в складчину со своими знакомыми. Наша ложа в третьем ярусе и так была набита битком, а колоссальной фигуре Тургенева требовалось много места. Он бесцеремонно сел в ложе, тогда как те, кто заплатил деньги, стояли за его широкой спиной и не видали ничего происходившего на сцене. Но этого мало; Тургенев так неистово аплодировал и вслух восторгался пением Виардо, что возбуждал ропот в соседях нашей ложи».

По словам А.Ф. Кони, «привязанность к Виардо обессилила и связала его волю, ввела его в заколдованный круг неотразимого влияния властной и выдающейся женщины. Он отдал себя, свое время и сердце всецело ей и всей ее семье».

После закрытия сезона супруги Виардо уехали во Францию. Вслед за ними отправился и Тургенев.

Он подружился с Людвигом Виардо. Дети по-домашнему звали его «Таржель». Он привык к своему особенному, несколько удивительному для французов положению — постоянного гостя семьи Виардо... Как заметил А. Фет в своих воспоминаниях, во взаимоотношениях Луи Виардо и Тургенева, «несмотря на дружбу, ясно выражалась приветливость полноправного хозяина, с одной стороны, и благовоспитанность угодливого гостя, с другой».

До сих пор биографы писателя, как говорится, до хрипоты спорят о том, какого все-таки рода отношения связывали его и «эту неистовую цыганку», яро отстаивают версии как платонической, так и земной, страстной любви.

Небезынтересным в этом плане представляется нам мнение журналиста Н. Долгополова. Он долгое время работал во Франции, и из-под его пера вышел ряд любопытных исследований творчества Тургенева. В одном из них читаем: «В чистую любовь, как и в идиллическое будущее типа города Солнца, можно верить и не верить. Но кто сказал, что чистая любовь обязательно платоническая? Убедят ли истинных поборников принципов чистой любви такие вот строки: “Я в первый раз с П.”. Это из записных книжек Ивана Сергеевича, куда он заносил важнейшее из пережитого... возможно, лишь первый поцелуй? Первая невинная ласка? Но мы же взрослые, и скромная запись звучит не триумфальным маршем, а деликатным признанием — неминуемое наконец произошло».

Довольно быстро меняется тон переписки. Нет, по-прежнему на “вы”, однако в письмах больше страсти. Для некоторых почитателей этот факт — роковой. Но к чему кривить душой — нормальный, естественный».

А за три года до смерти Иван Сергеевич признался графине Толстой, что... не был влюблен. Предчувствуя близкий конец, он жалел, что подарил свою жизнь женщине, принадлежащей другому. И если раньше он отрицал супружество, считая, что оно является гибельным для любви, то теперь утверждал абсолютно противоположное: «Женитесь. Вы не воображаете себе, как тяжела старость, когда вопреки воле... вы сидите на краешке гнезда другого мужчины».

Воистину это был едва ли не самый странный писательский роман XIX века! В перерывах между встречами Виардо и Тургенев погружались каждый в свою суету. Оба, причем, вели отнюдь не монашеский образ жизни. Ивана Сергеевича любили и крепостные девушки, и актрисы, и представительницы родовитых семейств. Среди последних можно назвать графиню Марию Толстую (сестру писателя), баронессу Юлию Вревскую... Среди же поклонников Виардо были известные композиторы, их менее знаменитые собратья по искусству. И даже несколько наследников европейских престолов сходили с ума по «несравненной» Полине.

Интересная деталь: свою внебрачную дочь Пелагею, родившуюся в Спасском от белошвейки, Тургенев отдал на воспитание Полине, которая помимо прочих подношений получала и немалую плату за содержание и обучение ребенка. Девочка считалась француженкой и носила имя Полина.

В начале 1851 года над Полиной-старшей сгустились первые тучи. Европейские газеты в той или иной форме сообщали, что госпожа Виардо больше не поет, а каждая нота, исходящая из ее горла, это раздирающий крик; что певица, которой столько восхищались, почти умерла для искусства.

Летом этого же года — провал в лондонском театре оперы «Сафо». Виардо вышла из труппы. В мае 1852 у нее родилась дочь Клоди. Весной 1853 — концерты в России и встреча с Тургеневым в Москве после трехлетней разлуки. Нетрудно представить, как они встретились. Он написал ей 17 апреля, вернувшись в Спасское: «Вы знаете то чувство, которое я Вам посвятил и которое окончится только с моей жизнью...»

Гастроли (спасибо благодарной памяти русской публики!) прошли без былого блеска, но, правда, и без громких европейских скандалов. Но мадам Виардо лучше всех знала состояние своего голоса и впервые начала задумываться о профессиональном будущем. Приехав из России, она стала давать первые уроки пения. А позже даже открыла школу, посещая которую, ученицы платили по 100 франков за урок. Немыслимые деньги!

Вообще меркантильный момент в отношениях Тургенева и Виардо многие, исследователи ставят далеко не на последнее место. Писатель мировой величины, Иван Сергеевич приносил в дар своей богине, конечно, не только цветы. Не потому ли, старея, терпела она и его похождения, о которых свидетельствуют современники, и якобы связь со своей дочерью, художницей Клоди, которая была на тридцать четыре года младше писателя? «Сравнительно недавно найденные письма настолько полны чувственной любви, что с чьей-то точки зрения неоспоримо доказывают: Клоди была близка с Иваном Сергеевичем», — подчеркивает Н. Долгополов.

А когда писателя не стало, представители семьи Виардо с исключительной поспешностью отвезли гроб в русскую церковь и исчезли, добавив, что если соотечественники не повезут его прах на родину, то его похоронят на городском кладбище по третьему разряду, как простого горожанина. Все дело в том, что завещание Тургенева, составленное в трех вариантах, представлялось весьма спорным. На карту семьи было поставлено огромное наследство Ивана Сергеевича, и Виардо предпочли занять выжидательную позицию. (Стоит заметить, что Людвика Виардо к тому времени уже не было в живых: Полина похоронила его за два месяца до кончины Тургенева.)

После завершения всей этой, мягко говоря, некрасивой истории гроб с телом писателя все же был отправлен в Россию. На вокзале 2 октября 1883 года Полины Виардо среди провожающих не было. Через несколько месяцев, разбирая архив Тургенева, она уничто-

жила все свои письма и записки к нему. «Сорок два года я прожила с избранником моего сердца, вреда разве себе, но никому другому, – говорила певица уже на исходе своего жизненного пути. – Если русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет».

Трудно представить, считает Н. Долгополов, «чего бы лишилась мировая литература, распались союз Полины Виардо и Тургенева. Вряд ли без нее Иван Сергеевич остался бы прежним: тонким, склонным к тихой грусти человеком и одновременно оптимистическим жизнелюбом, которого Виардо деликатно, но заставляла писать, переводить — работать...»